

Глава 38. Да я просто люблю его!

Уянь примостился на самом краю загнутого карниза дворцовой стены. В беспросветной ночной тьме его силуэт казался бесплотным призраком, почти сливающимся с причудливыми изваяниями священных зверей, венчавших крышу.

Лишь когда «маленький евнух» усадил Шэнь Чжиюя в повозку и та скрылась в темноте, покотившись по глухому, незаметному переулку, юноша поднялся. Бесшумной тенью он скользнул к уединённой беседке, притаившейся за стенами Третьего дворца.

Едва коснувшись земли, Уянь опустился на одно колено, прижав правую руку к груди.

Внутри беседки угадывался одинокий, скорбный силуэт. Заметив приближение слуги, мужчина медленно поднял голову.

— Уехал?

— Да.

Юань Чэ отложил в сторону штык-нож, лезвие которого было отполировано до зеркального блеска. Лицо его оставалось бесстрастным, голос звучал ровно. Уяню казалось, что за последние пять дней император стал совершенно другим человеком. Свои самые яростные чувства он без остатка выплеснул во время недавней дворцовой бури, и теперь в его душе не осталось места ни для радости, ни для печали.

— Предупреди ночную стражу, — тихо приказал государь. — Раз уж он решил уйти, пусть его никто не задерживает. Сделайте так, чтобы дорога была свободной.

Уянь прекрасно понимал, о ком идёт речь. Приняв приказ, он, однако, не спешил исчезнуть.

— Что-то ещё?

— Господин Шэнь с этой ночи обоснуется в резиденции Ян, — заговорил Уянь. — Мне под силу обойти посты их личной гвардии и тайных защитников, но на этот раз господин Шэнь сам... — Он запнулся, так и не решившись произнести вслух: «сам отказался от нашей помощи». — Должен ли я по-прежнему следовать за ним?

Уянь не смел поднять глаз, по едва уловимым изменениям в дыхании правителя пытаясь угадать его мысли. Император тяжело, прерывисто вздохнул. Он дважды пытался заговорить, но слова застревали в горле. Лишь с третьей попытки он глухо произнёс:

— Нет. Сейчас ему... ничто не угрожает. У меня будет для тебя другое поручение.

Уянь до единого слова запечатлел в памяти новые распоряжения господина и вновь растворился во тьме.

Едва за Уянем закрылся ночной занавес, как в беседке беззвучно возник ещё один силуэт со скрещёнными на груди руками, сжимавшими меч.

Раздался едва слышный хруст — подошва наступила на сухую травинку.

В то же мгновение Юань Чэ перехватил штык обратным хватом и бросился в атаку.

Спустя четверть часа короткий клинок императора со звоном отлетел в сторону, ударившись о каменные плиты. Остриё чужого меча замерло в трёх пальцах от широко раскрытых глаз Юань Чэ.

Обливаясь потом, задыхающийся император отступил на пару шагов и тяжело опустился прямо на землю.

— А ты стал ещё быстрее, шисюн, — хрипло усмехнулся он.

С сухим шелестом Елюй Лу вогнал клинок в ножны.

— Это ты растерял форму.

Раз уж Юань Чэ заговорил с ним как с собратом по обучению, Елюй Лу отбросил придворный этикет. В его тоне смешались искреннее беспокойство и суровое предостережение:

— Всё из-за Шэнь Чжиюя?

Внутри словно лопнула туго натянутая струна.

— Не смей называть его имя! — яростно выкрикнул Юань Чэ. Он поудобнее устроился на холодной земле и тут же принялся противоречить самому себе, упрямо возвращаясь к отвергнутому имени: — Да кто он вообще такой, этот Шэнь Чжиюй? Неужели он пуп земли? Я император! Стоит мне пожелать — и у моих ног окажется кто угодно. Неужели я стану убиваться по какому-то канцлеру?!

— Ты пил? — Елюй Лу уловил едва заметный, горьковатый шлейф винных паров.

Юань Чэ пнул ногой притаившиеся за деревянной скамьёй глиняные кувшины. Три сосуда

покатились по полу, глухо постукивая друг о друга. Они были пусты до капли.

Елюй Лу промолчал.

Император пьяно икнул и отмахнулся:

— У тебя за пазухой ничего не припрятано? Поделись. Здешнее пойло — просто вода, совсем не греет, не то что наше, северное.

— Чэ-эр! — Вдоль виска Елюй Лу вздулась синяя вена. Он шагнул вперёд и рывком вздёнул Юань Чэ за воротник халата. — Посмотри на себя! Ты — сын Старого волчьего короля Севера, повелитель Срединной равнины! Стоит ли лить слёзы и топить тоску в вине из-за какого-то чинуши? Где твоё величие? На кого ты стал похож? Десятки тысяч воинов Армии Гуйжун присягнули тебе на верность не для того, чтобы их вождь раскис из-за Шэнь Чжияя!

Договорить он не успел. Кулак Юань Чэ с силой врезался ему в челюсть, опрокинув навзничь. Сплюнув на землю кровь, Елюй Лу медленно поднялся.

— Вот так-то лучше, — протянул он, утирая рукавом багровую струйку на губах и глядя на тяжело дышащего, разъярённого императора. — Продолжим?

В ту же секунду новый удар, рассекающий воздух с яростным свистом, полетел ему в лицо. Елюй Лу легко уклонился, уходя в сторону. Он мастерски гасил слепую ярость противника, противопоставляя грубой силе гибкость и точность. Спустя десяток стремительных выпадов Елюй Лу подловил момент, когда Юань Чэ открылся, мёртвой хваткой вцепился ему в затылок и с размаху приложил головой о каменную колонну беседки.

От резкого удара в голове у Юань Чэ на мгновение помутилось. Почувствовав, как по виску стекает горячая струйка, он прохрипел сквозь зубы:

— Твою мать, да ты...

Договорить ему не дали — Елюй Лу приложил его о колонну во второй раз.

— Уже лучше, но вид у тебя всё ещё жалкий, словно у обкурившегося опиумом бродяги, — холодно заметил Елюй Лу. — Если продолжишь в том же духе, я буду бить тебя до тех пор, пока из твоей головы не вылетит вся эта дурь.

Он замахнулся, готовясь ударить снова.

— Хватит! — взревел Юань Чэ.

Стиснув зубы, император извернулся и мёртвой хваткой перехватил запястье шисюна. Резкий залом — и сустав Елюй Лу хрустнул. Следом Юань Чэ нанёс сокрушительный удар ногой в грудь противника, заставив того отпрянуть.

Елюй Лу даже бровью не повёл — спокойным, заученным движением вправил вывихнутое плечо.

— Я не срывал злость на Армии Гуйжун и не показал слабости перед Шэнь Чжиюем! — тяжело дыша, выкрикнул Юань Чэ. Гнев вытеснил хмель, и он со всей силы обрушил кулак на каменный стол. Прочный гранит пошёл глубокими трещинами, костяшки пальцев императора окровавились, но он даже не заметил боли. Потеряв контроль, он забыл о царственном «Мы»: — Что ещё от меня нужно?! Я тоже человек! Неужели я не имею права чувствовать?! Не имею права ненавидеть и страдать?!

Накопившаяся обида, подобно прорвавшей плотину реке, хлынула наружу безудержным потоком:

— Да что ты вообще понимаешь?! Ни хрена ты не понимаешь! Да, чёрт возьми, я по уши увяз в этом Шэнь Чжиюе! Я люблю его! И я больше не могу терпеть, как он раз за разом вытирает об меня ноги и бросает, словно ненужную вещь! Неужели я не имею права злиться на это?!

От этой отчаянной, до предела искренней тирады Елюй Лу на мгновение опешил.

Юань Чэ родился в те годы, когда Старый волчий король активно расширял границы своих владений. Занятый походами и государственными делами, отец почти не уделял времени младшему сыну, отдав его на воспитание в семью Елюй. Если не считать тех лет, что Юань Чэ провёл заложником в Великой Чу, именно Елюй Хагэ и его сын Елюй Лу были для него самыми близкими людьми. Они знали характер принца как свои пять пальцев.

Поэтому сейчас Елюй Лу отчётливо видел: император злится вовсе не на чужаков и даже не на Шэнь Чжиюя. Он презирал самого себя за собственную слабость.

Грудь Юань Чэ тяжело вздымалась. Тело горело, кожа покрылась испариной, пропитавшей шёлковые одежды. Едва соображая от жара и хмеля, он сделал несколько размашистых шагов к декоративному пруду и, к ужасу наблюдавшего за ним Елюй Лу, с головой прыгнул прямо в ледяную воду.

Раздался громкий всплеск.

— С ума сошёл?! Ты что творишь?! — крикнул Елюй Лу, бросаясь к краю пруда.

Однако Юань Чэ тут же с шумом вынырнул на поверхность. Отдуваясь, он выбрался на берег, встряхнул мокрой головой и сел на корточки, утирая лицо ладонями. С облепленным мокрыми

прядями лицом он выглядел на удивление жалко и неприкаянно — точь-в-точь промокший до нитки огромный цепной пёс.

Елюй Лу облегчённо выдохнул. На секунду ему действительно показалось, что названный брат решил утопиться.

— Шисюн, — тихо позвал Юань Чэ.

— Что?

— Мне... мне очень тревожно.

— Это заметно.

— Я знаю, что он не собирался меня убивать, — упавшим голосом заговорил Юань Чэ. — В царстве Ли он провернул то же самое: в одиночку влез в резиденцию князя Ли, перевернул там всё вверх дном, дождался, пока враги перегрызут друг другу глотки, а потом преподнёс победу мне на блюде. Но от этого мне только страшнее. Тогда он хотя бы предупредил меня. А сейчас ушёл молча, без единого слова. Шэнь Чжиюй безумен, когда идёт к своей цели — он не щадит себя. И теперь я не могу прикрыть его спину. Стоит мне подумать, что в один прекрасный день он просто... не вернётся... понимаешь?

Елюй Лу вспомнил отчаянный бросок Шэнь Чжиюя за свитками в Башне Девяти Коршунов и молча кивнул.

— Но ведь ты ведёшь собственное расследование?

— Разве я могу тягаться с ним в интригах? — Юань Чэ горько усмехнулся. — В этих играх я ему не соперник, даже если соберу воедино все свои силы. Предугадать его следующий шаг невозможно. Мне остаётся лишь действовать на опережение и готовить почву. Надеюсь, когда придёт время, мне удастся вытащить его из той пропасти, куда он так упорно летит.

На этот раз Шэнь Чжиюй нацелился на Четыре великих семейства. Если план выгорит, Юань Чэ получит полную свободу уничтожить эти кланы. Но кем тогда станет сам канцлер? Неужели он разделит их участь и взойдёт на плаху как соучастник их преступлений?

Устроив скандал во дворце, Шэнь Чжиюй сознательно загнал себя в угол. Он разыграл этот спектакль, чтобы у Четырёх великих семейств не осталось сомнений: его мосты сожжены, а с новым императором его связывает лишь взаимная ненависть.

Поэтому Юань Чэ лихорадочно искал любые лазейки, собирал доказательства, способные оправдать канцлера перед лицом всей империи и уберечь его от неминуемой гибели на краю бездны.

— К слову... — Император поднял глаза на Елюй Лу. — Время далеко за полночь. Почему ты не дома? У тебя какое-то срочное дело ко Мне?

Елюй Лу с досадой хлопнул себя по лбу и тихо выругался про себя: из-за этой пьяной потасовки он совершенно позабыл о цели своего визита.

— Неужели и правда что-то стряслось? — посерьёзней Юань Чэ.

— Кое-кого привёл к тебе, — ответил Елюй Лу. Он сделал несколько шагов назад и выволок из-за декоративной каменной горки дрожащего мелкой дрожью Ню Июна, бесцеремонно толкнув его к ногам государя.

Взгляд Юань Чэ мгновенно ожесточился. От недавней растерянности не осталось и следа — теперь перед чиновником стоял безжалостный хищник, степной волк, вышедший на охоту.

— Что ты слышал? — леденящим душу голосом спросил он.

— Ваше Величество, ничтожный раб... этот ничтожный... — Ню Июн рухнул ниц, вжимаясь лицом в холодную землю. Откуда ему было знать, во что он впутывается? Он всего лишь последовал указаниям из тайного послания и разыскал Елюй Лу, даже не подозревая, что тот притащит его напрямик к грозному владыке.

Юань Чэ не собирался выслушивать невнятное лепетание. Носком сапога он подбросил валявшийся штык-нож и ловко перехватил его в воздухе, после чего с силой вонзил лезвие в землю прямо перед носом несчастного.

— Говори!

Холодный блеск стали у самого лица довёл Ню Июна до иступления.

— Я... я... этот ничтожный услышал только... про то, что вы любите господина канцлера! — взвыл он, трясаясь всем телом. — Пощадите, Ваше Величество! Пощадите!

Вокруг Юань Чэ завихрилась осязаемая, удушающая волна жажды крови.

Однако мгновение спустя он словно наткнулся на неожиданную мысль. Тьма в его глазах начала рассеиваться, уступая место лихорадочному блеску — так путник находит лазейку в, казалось бы, глухой стене.

Уголки его губ медленно поползли вверх, и он негромко рассмеялся:

— Нет... Напротив. Ты пришёл как нельзя вовремя.

Утро встретило столицу бодрящей прохладой и залиvistым щебетом птиц. Стук копыт и глухое поскрипывание колёс нарушили тишину сонного переулка. Неброский экипаж замедлил ход и остановился у узких боковых ворот величественной усадьбы.

— Господин, мы на месте, — раздался из-за стены экипажа вкрадчивый голос слуги.

Повозка слегка качнулась. Спустя мгновение тонкая, бледная мужская рука отодвинула тяжёлую занавеску.

Шэнь Чжияу урывками спал всю вторую половину ночи, поэтому уголки его глаз ещё хранили розоватый след не до конца ушедшего сна. Из-за спешных сборов на нём была лишь тонкая шёлковая нижняя рубаха из императорских покоев. Юань Чэ никогда не жалел дров для обогрева, превращая свои спальни в цветущий весенний оазис, и там эта одежда казалась достаточной. Однако теперь, встретившись лицом к лицу с резким утренним ветром, канцлер невольно задрожал от пронизывающего холода.

Молодой евнух, сделав вид, что ничего не заметил, поспешил увести лошадей под навес.

— Простите за непочтительность, господин канцлер, — обратился он к Шэнь Чжияу. — Но в вашем положении лишнее внимание ни к чему. Придётся войти через боковые ворота. Главы трёх семейств уже ожидают внутри.

— Только трое? — Шэнь Чжияу плотнее запахнул ворот и глухо закашлялся.

Насколько ему было известно, Великие семейства возглавляли четыре патриарха.

— Именно так, — не вдаваясь в подробности, ответил слуга и сделал приглашающий жест. — Пожалуйста, проходите.

Резиденция Ян снаружи казалась ничем не примечательной, однако её внутреннее убранство поражало изысканной роскошью и продуманностью планировки. Шэнь Чжияу не был знатоком садово-паркового искусства, но сразу понял: эти извилистые тропинки и бесконечные крытые галереи создавались не только ради красоты. Случись усадьбе подвергнуться нападению, чужаки мгновенно заплутали бы в этом лабиринте. Для самих же хозяев, досконально знавших каждый потайной ход, бегство в суматохе не составило бы труда. На лице канцлера застыло привычное холодное безразличие, однако его разум лихорадочно анализировал увиденное.

Миновав очередной поворот, они наконец вышли к главному павильону. Внутри, во главе с Ян Бочжуном, восседали трое старейшин. Ян Бочжун облачился в тёмно-красные праздничные

одежды, благодаря чему выглядел на пару десятков лет моложе своего возраста. Когда их взгляды встретились сквозь резную решётку галереи, в глазах обоих мужчин на долю секунды вспыхнула неприкрытая враждебность, тут же сменившись фальшивым радушием.

— Мы жаждали вас, господин канцлер, — Ян Бочжун поднялся с места, увлекая за собой остальных.

Шэнь Чжияй бегло окинул их взглядом. Слева стоял тучный, круглолицый мужчина с выдающимся брюшком — Ван Чжан. Своим влиянием он был обязан не высоким чинам, а торговому делу. Под его негласным контролем находилась едва ли не половина всех столичных лавок и питейных заведений во главе с Башней Девяти Коршунов.

Справа чинно расположился Юй Инцянь. Несмотря на благообразную седину, этот старец держался прямо и излучал благородное достоинство истинного мужа слова. До того как отец Шэнь Чжияя затмил его своим талантом, Юй Инцянь считался величайшим литератором эпохи; его ученики и последователи ныне занимали ключевые посты по всей стране. Многочисленные дочери клана Юй славились безупречным воспитанием, начитанностью и умом, из-за чего за ними выстраивалась очередь из завидных женихов. С помощью этих выгодных браков семейство Юй опутало своими связями всю элиту империи.

Канцлер едва заметно кивнул, пресекая лишние излияния вежливости, прошёл вглубь комнаты и опустил на свободное кресло. Першение в горле, мучившее его с самого пробуждения, после долгой прогулки на сквозняке переросло в тупую боль. Он слегка постучал тонкими пальцами по лакированному столу, безмолвно приказывая служанкам подать горячее питьё.

Положение обязывало: даже будучи главой великого клана, Ян Бочжун не мог перечить первому лицу в государстве. Он поспешно приказал служанке заварить для почётного гостя лучший сорт чая «Драконьи почки».

— Вы в своём доме, к чему эти церемонии? — Шэнь Чжияй осторожно подул на всплывшие чайники, но напиток оказался слишком обжигающим. Отставив пиалу, он превозмог резь в горле и сухо добавил: — Присаживайтесь.

Суммарный возраст этих троих мужей превышал возраст Шэнь Чжияя без малого в пять раз. За глаза они могли сколько угодно честить молодого выскочку, но сейчас их судьба полностью зависела от его содействия. Не посмея перечить, старейшины нехотя расселись по местам. Но не успели они поудобнее устроиться в креслах, как канцлер задал прямой вопрос:

— Где Лу Тао? Почему его здесь нет?

Лу Тао был четвёртым столпом их союза. Во времена правления покойного императора из династии Ли его влияние ничуть не уступало могуществу Ян Бочжуна, а порой и превосходило его. Причина крылась в одном — в его руках была сосредоточена реальная военная сила.

Но новая метла метёт по-новому. Некогда грозная столичная армия была разгромлена: часть воинов пала на полях сражений, выживших же спешно реорганизовали и подчинили Армии Гуйжун под началом Елюй Лу, верного соратника императора. Великие семейства лишились своего главного щита.

Могущество Четырёх великих семейств стремительно таяло на глазах.

— Брат Лу Тао тяжело пострадал в прошлогодних боях, раны до сих пор дают о себе знать, — притворно-сочувственно осклабился Ван Чжан. — Мы решили не утомлять его присутствием и избавить господина канцлера от лицемерия больного.

— Вот как? — Шэнь Чжуй не сводил глаз с колеблющихся на поверхности воды чайнок. — Что ж, в таком случае пусть восстанавливает силы.

— Да-да, непременно... — поддакнул торговец.

Разумеется, это была наглая ложь.

В тот судьбоносный день, когда войска Юань Чэ подступили к столице, Шэнь Чжуй лично удерживал оборону на крепостной стене на протяжении суток. Лу Тао среди защитников не было.

Где же он скрывался?

Спасал собственную шкуру.

Шэнь Чжуй слегка подался вперёд. На совести старейшин лежало столько грехов и предательств, что глупый стыд не заставил бы бывшего воина прятаться. Значит, его отсутствие скрывало в себе иную, куда более опасную тайну.

В этой комнате сошлись умы, способные вчетвером вершить судьбу целой империи. Каждое слово взвешивалось на невидимых весах, любой намёк мог быть истолкован двояко, а малейший неверный шаг грозил немедленной казнью.

Надменный тон канцлера, с порога указавшего им на их место, уязвил самолюбие Ян Бочжуна. Окружённый клубами благовонного дыма, старик вежливо сложил руки в приветственном жесте и с едва заметной ядовитой усмешкой проговорил:

— Самоотверженность господина канцлера поражает. Вернуться во дворец, презрев смертельную опасность ради блага государства... Истинный образец для каждого подданного.

Он выдержал паузу и вкрадчиво добавил:

— Но... этот варвар на троне славится своей свирепостью и не знает пощады. Вы открыто бросили ему вызов. Смею спросить: как так вышло, что он даровал вам жизнь и отпустил невредимым?

<http://bllate.org/book/20512/2214853>